УДК 330
JEL A1, B00, O1
DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.20

Н. Е. Алексеев[1]

[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Реальность как отражение дисфункций экономической науки

Аннотация. В статье ставится проблема несоответствия социально-экономической реальности и основ развития экономической науки. Цель статьи – обратить внимание научного сообщества на несостоятельность мейнстрима экономической науки и отразить его дисфункции. Исследование основывается на анализе, сравнении и сопоставлении социально-экономической реальности и мейнстрима экономической науки. В статье проанализированы истоки основ экономической науки в аспекте научных школ, общенаучных парадигм и методологических подходов к трактовке категории «мейнстрим». Делаются выводы, что кризис мейнстрима заставляет подвергнуть детальному анализу основополагающие идеи экономики и методологию их интерпретации. Препятствием для дальнейшего развития экономической науки и её встраивания в реальность служат сами методы исследования, являющиеся компиляцией различных теорий.

Ключевые слова: социально-экономическая реальность, научная школа, парадигма, методы исследования, потребности.

Дата поступления статьи: 15 мая 2020 г.

Для цитирования: Н. Е. Алексеев (2020). Реальность как отражение дисфункций экономической науки // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 3. С. 166–173. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.20.

Проблема и цель. Основными научными школами, оказавшими существенное влияние на построение экономической реальности, экономическую политику государств и формирование моделей национальных экономик, являются классическая (неоклассическая) школа, маржинализм, марксизм и институционализм. Классическую (неоклассическую) школу принято относить к ортодоксальному направлению, маржиналистскую школу и марксизм – к гетеродоксальному направлению. Институциональное направление развития экономической мысли находится в сфере влияния одного из этих направлений и объединяет в себе различные подходы к анализу институтов.

Основные положения мейнстрима представлены фундаментальными постулатами неоклассической школы в разных вариациях. К ним можно отнести принцип методологического индивидуализма, рациональность или ограниченную рациональность экономического агента, максимизацию полезности агентом в аспекте экономического поведения на рынке и достижение рыночного равновесия, выявленные предпочтения экономического агента, доступ к полной информации для субъектов рынка, наличие конкуренции [1]. Предметом исследования для мейнстрима служит созданный в подобных условиях продукт. С начала 80-х гг. XX в. экономическая наука начала терять предмет своего исследования. Основной удар пришёлся по содержательной стороне: обозначился отрыв экономической науки от практики и необоснованная интеграция с целым перечнем естественнонаучных дисциплин с целью поиска эффективной системы доказательств неоклассических постулатов и подходящего инструментария [2]. С другой стороны, она по-прежнему сознательно игнорирует аспекты реальной экономической деятельности субъектов и упорно не хочет использовать предоставленный смежными и естественными науками инструментарий.

Методология. К основным положениям маржинализма относится анализ принятия решения по поводу ещё не созданного продукта, оценка имеющихся ресурсов и потребностей, варианты поведения других агентов. Как отмечает О. И. Ананьин, запасы и потоки реальных ценностей у классиков были заменены у маржиналистов ожидаемыми значениями этих величин [3]. Маржиналисты предприняли попытку объяснять происходящие явления сквозь призму

деятельности хозяйствующих субъектов. Классическая (неоклассическая) школа и маржиналисты прочно стоят на позиции методологического индивидуализма, согласно положениям которого все происходящие процессы и наблюдаемые явления могут быть объяснены исходя из целей и действий индивидов. Взгляды представителей марксизма существенно отличаются от взглядов представителей вышеописанных школ по части отношения к принципу методологического индивидуализма. Марксистами признаётся роль объективной среды как внешнего условия ведения хозяйственной деятельности, а соответственно результат хозяйствования подвержен влиянию как поведения экономических субъектов, так и условий развития производительных сил и производственных отношений [1].

Институциональное направление экономической мысли находится под влиянием одного из рассмотренных направлений. У классиков и маржиналистов в их собственных концептуальных положениях не содержится определения и анализа институтов как таковых, однако имеется некоторая институциональная среда (рыночная конкуренция) и определённая институциональная структура (разнообразные рыночные структуры с определёнными моделями поведения). Попытку рассматривать институты вне рамок равновесной экономики предпринял Т. Веблен, решивший сконцентрироваться на выявлении стереотипов поведения экономических агентов, развитии общества через развитие институтов, определении траектории развития экономики [4]. Укреплению институционального направления и увеличению числа его сторонников способствовала научная деятельность Р. Коуза, приводившая исследователя к двум конкретным выводам: 1) конкурентный рынок теряет фундаментальные позиции при учёте издержек рыночных сделок; 2) выбор агента включает выбор институциональной формы непосредственного действия. Данные замечания можно считать переходом от исследования экономического поведения к исследованию причин, предопределяющих данное поведение [3].

Основное содержание мейнстрима отражается и в понимании специфики общенаучных парадигм. Парадигма, по Т. Куну, представляет собой определённые методологические принципы и установки, смена которых вызовет научную революцию [5]. Ядром парадигмы служит модель исследуемой реальности. Г. Б. Клейнер выделяет в экономической науке неоклассическую, институциональную и эволюционную парадигмы, интеграция которых должна привести к развитию системной парадигмы [6]. С. Г. Кирдина определяет парадигму как методологию исследования в широком смысле слова [7]. Парадигма в концепции С. Г. Кирдиной, представляется значительно шире, чем в исследованиях других учёных, которые склонны заявлять о существовании парадигм внутри самой экономической науки [1]. Согласно исследованиям, выделяются:

– антропоцентричная парадигма, характеризующаяся как отражение взгляда на экономику как науку об индивидуальном человеческом поведении и приоритете личности над интересами сообществ;

– эволюционная парадигма, рассматриваемая как неравновесный процесс экономического развития, в котором действуют популяции агентов и законы эволюции;

– системная парадигма, характеризующаяся развитием синергетического направления, особенностью которого является выход за рамки экономической теории в исследовании заданного объекта [1].

Н. В. Смородинская выделяет в своих исследованиях индустриальную парадигму, характеризуемую массовым производством однотипной продукции, и постиндустриальную, характеризуемую непрерывным обновлением и разнообразием благ, парадигмы существования общества. Причинами перехода послужили глобализация и научно-техническая революция в аспекте развития интернет-технологий, рост динамизма среды и увеличение контактов между субъектами благодаря обнулению социальных расстояний. Результатом отечественных и зарубежных исследований в этой области стал синтез наиболее ёмкого и комплексного понятия – «сетевая экономика». Данная парадигма характеризуется отражением технологий и трансформацией современных социально-экономических институтов, результатом которой становятся сетевые модели координации связей [8].

В работах В. М. Бондаренко выделяются три парадигмы общественного развития: первая основана на непосредственной связи производства и потребления, вторая характеризуется опосредованной связью производства и потребления и третья основана на непосредственной связи производства и потребления, но на новом качественном уровне, где производство товаров и услуг осуществляется по заказу конкретного экономического субъекта. Первая парадигма существования общества (доиндустриальный тип) характеризуется преобладанием ручного труда и в большинстве случаев натуральным хозяйством; запасы готовой продукции минимальны. В ходе естественного исторического развития, разделения труда, появления различных сословий непосредственное удовлетворение потребностей трансформируется в опосредованный механизм, формируется вторая парадигма (индустриальный тип). Третья парадигма (постиндустриальный тип) существует в дискретном виде: выбор предметов потребления и их производство по заказу субъектов возможны лишь в рамках достигнутых производственных возможностей [9].

О. Э. Бессонова в своих исследованиях выдвигает концепцию формационной парадигмы, характеризующуюся выделением пяти стандартных общественно-экономических формаций, смена которых показывает этапы развития исторического процесса. Методология применения данной парадигмы заключается в том, что любое общество соответствует признакам одной из формаций. Каждый последующий этап развития формации обязательно отрицал предыдущий, что крайне затрудняло выявление общей социально-экономической природы развития общества и экономики.

На смену формационной парадигме общественного развития пришла цивилизационная парадигма. И если формационная парадигма основывалась на дихотомии «капитализм-социализм», то цивилизационная парадигма вбирала в себя основы восточной и западной цивилизации. Основное отличие западной цивилизации от восточной состоит в особом, специфическом характере ценностей и институтов. Природа российской цивилизации представляет собой симбиоз культурного взаимодействия «запад–восток». Проявляется это в переплетении западного личностного и восточного общественного начал, западных материальных и восточных духовно-нравственных приоритетов жизни, в западных ориентирах на максимизацию прибыли и капитала и в восточном стремлении к самодостаточности, в преобладании западных материальных форм принуждения к труду и восточных моральных формах [10].

В трудах О. Ю. Патласова демонстрируются новые тренды смещения цивилизационной пирамиды от неолиберальной экономики потребления к социальным, экологическим, культурологическим аспектам потребления [11].

В исследованиях П. Леиашвили отмечается, что в ядре современной парадигмы, в её фундаменте, присутствует позитивизм и лежащий в его основе эмпиризм, согласно которому в качестве объекта познания выступают факты, доступные ощущениям, в качестве источника познания – опыт, а главной задачей науки является описание с широким использованием математического аппарата [12]. Следствием этого является низведение экономической науки до описания процессов вместо объяснения экономических явлений.

В работе И. В. Филатова отмечается, что сам П. Самуэльсон определяет мейнстрим как исследование функционирования смешанной экономики (результат развития и синтеза неоклассической экономики и кейнсианства) [13, с. 31]. А. И. Московский трактует категорию мейнстрима как риторическую ссылку на принадлежность к определённому научному сообществу, которое «называет себя последним словом экономической теории, оставляя другим теориям единственное достоинство быть просто историческим фактом, допуская некоторые идеи последних в значении донаучного, допозитивного предшественника неоклассики» [14].

Подобная трактовка мейнстрима подтверждается историей развития экономической науки в Европе XIX в. Английские особенности развития заключались в объединении идеологии либерализма, методологического индивидуализма и теории конкурентного рыночного обмена. Франция привносила социально-конструктивную идеологию конструктивизма, методологический коллективизм и теории государ-

ственного регулирования экономики. Германия дополняла положения европейского мейнстрима XIX в. консервативной идеологией национального протекционизма и теориями исторической школы [13, с. 32].

С методологической точки зрения мейнстрим экономической науки может рассматриваться как основная научная программа, содержащая в себе определённый взгляд и интерпретацию основных экономических концепций, объединённых общим, позволяющим им дополнять друг друга, вектором развития. Мейнстрим современной экономической науки вбирает в себя в существенно преобразованном виде элементы всех научных школ и направлений. Кроме того, основное возражение против интерпретации мейнстрима как исследовательской программы, по мнению И. В. Филатова, состоит в том, что проблема мейнстрима относится к вопросу дисциплинарного уровня организации знания. С учётом высказанных возражений И. В. Филатов вводит другие критерии описания дисциплинарного строения мейнстрима экономической науки, а именно вместо логически связанной структуры предлагает рассматривать мейнстрим экономической науки как некую концептуальную популяцию, одним из признаков которой является изменчивость во времени. Экономическая наука XX в. разбивается им на три периода: 1900–1930-е гг., 1940–1970-е гг., 1980–2010-е гг. Первый период состоит из двух исследовательских программ: неоклассической теории и «старого» институционализма. Второй период характеризуется посткейнсианским направлением, сложившимся в результате неоклассического синтеза. Третий период обоснованно анализируется с помощью исследования Нобелевских премий по экономике. Современный мейнстрим представлен неоклассической традицией, новым институционализмом, теорией игр, поведенческой и эволюционной экономической теориями [13, с. 36]. Таким образом, основным критерием, относящим ту или иную теорию к мейнстриму и определяющим её ценность, является соответствие заданным целям, которые преследуют экономисты при объяснении определённых событий экономической реальности.

Результаты. Затянувшийся кризис мейнстрима заставляет обратиться к основам экономической науки и подвергнуть детальному анализу основополагающие идеи и методологию их интерпретации. Препятствием для дальнейшего развития экономической науки и её встраивания в реальность служат сами методы исследования, являющиеся компиляцией различных теорий. Современная экономическая реальность позволяет сделать вывод о начавшейся глубинной трансформации экономической науки и поиске новой, альтернативной модели развития экономики и общества.

В исследованиях В. С. Автономова отмечается, что дисциплинарным идеалом современного мейнстрима по-прежнему остаётся модель рационального человека, альтернативные модели человека выпадают из исследовательского концепта [15, с. 165]. Кроме того, в экономических научных исследованиях часто можно наблюдать так называемое явление «неоклассического обволакивания», суть которого сводится к интерпретации положений альтернативных теорий через инструментарий мейнстрима, цель которого сведена к распространению идеала рационального экономического субъекта [15, с. 154].

С. И. Целуйко отмечает, что кризис политэкономии состоит в том, что экономисты стараются даже не говорить о фактах столкновений интересов на институциональном уровне. Таким образом, кризис политэкономии состоит и в размытости её предмета [13, с. 42].

Смысл многих определяющих категорий (потребность, собственность) окружён схоластическими дискуссиями. Невыясненным остаётся и вопрос о критериях экономической науки, а именно о том, какие процессы реальности можно относить к предмету исследования экономической науки. Как отмечает Ю. И. Будович, таким критерием является сам «человек», или его «конечное потребление», согласно которому к экономической сфере жизни общества относится вся жизнедеятельность людей, а хозяйственная жизнь общества рассматривается как совокупность четырёх процессов: производства, распределения, обмена и потребления. Далее в отечественную экономическую науку приходят определения предмета как

поведения в условиях редкости ресурсов и максимизации поведения, что при детальном рассмотрении не может являться критерием экономической науки [13, с. 95–98].

В науке постоянно появляются новые теории и подходы, объясняющие элементы и фрагменты экономической реальности. Существующая неоклассическая парадигма экономического развития должна выполнять определённый набор функций с определённым уровнем их качества. К настоящему времени ещё не сформировалась общепризнанная теория, характеризующая полный спектр закономерностей экономической реальности, которая была бы лишена ловушек фрагментарности и чрезмерной обобщённости.

Ряд учёных исследует трансформацию взглядов при переходе к различным стадиям постиндустриального общества: информационной, сетевой, цифровой, зелёной, креативной экономике [16].

Одной из причин подобного положения дел является неспособность существующей парадигмы экономического развития своевременно и адекватно отвечать на вызовы и угрозы экономической реальности. Как отмечает О. И. Ананьин, неспособность чётко определить философско-методологические предпосылки и идейно-теоретические установки, положенные в основу исследований, – верный признак того, что доверие к прежней парадигме утрачено и она уже не в состоянии выполнять свою объединяющую роль [17].

В качестве основных претензий к экономической науке учёные указывают на неспособность предотвратить кризис, неспособность его объяснить и даже саму теоретическую возможность существования кризиса. Так, Дж. М. Кейнс не смог предсказать «Великую депрессию» 30-х гг. XX в. – он лишь позже объяснил её и указал пути выхода [18].

Следующие один за другим экономические кризисы показали, что нереалистичность исходных предпосылок мейнстрима значительно ослабила авторитет самой экономической науки. Более того, кризисы большинством учёных признаются не столько циклическими, сколько системными, неизбежным порождением недостатков конкретной формы современного хозяйствования в общем и рыночной системы в частности.

Методологической основой критики мейнстрима является дисбаланс соотношения исследования экономической реальности и экономической науки. Не менее важным пунктом критики является обвинение экономики в служении интересам национальных и мировых элит, т. е. определённая идеологическая направленность экономических теорий. В качестве примера уместно упомянуть идеологическое противостоянии классической политэкономии и марксизма, однако фундаментальная основа теорий всё же общая – поиск универсальных закономерностей развития общества.

Историческая ретроспектива свидетельствует о параллельной смене способов производства и целей хозяйственной деятельности; это проявляется в трансформации отношений собственности на средства производства к результату производства и механизмам дальнейшего владения, пользования, распоряжения им. Однако, на наш взгляд, в данном случае незаслуженно игнорируются не только отношения, развиваемые в зависимости от характера собственности на средства производства, но и отношения, развиваемые в зависимости от производственных и личных потребностей субъектов хозяйствующей деятельности.

Таким образом, с учётом взаимодействия двух групп отношений (характер собственности на средства производства и потребности субъектов хозяйствования) можно условно выделить цели хозяйственной деятельности субъектов. В исследованиях С. И. Целуйко выделены следующие цели хозяйственной деятельности: эксплуатация, борьба продавцов за рынки сбыта для своих товаров, борьба за захват чужих ресурсов, борьба за неограниченный рост своего капитала, борьба за перераспределение в свою пользу чужого капитала, рост капитализации собственных активов и ресурсов с минимальными затратами на осуществление этого [13, с. 47–50]. Необходимо отметить, что в рамках мейнстрима смысловое значение многих экономических категорий незаслуженно игнорируется.

С отказом от биполярного мироустройства капитализм получил неограниченную свободу действий, проявляющуюся в свободном распоряжении ресурсами и отсутствии

контроля и сдерживающих факторов, что подтверждается основными принципами и постулатами мейнстрима. Однополярное мироустройство трансформировало политические и экономические системы стран, явив миру их новое качество – ограниченность капиталистического производства. С точки зрения С. А. Строева, следствием снятия данной ограниченности стала предпринятая на первоначальном этапе вполне успешная попытка перевода реального рынка в виртуальный. В результате реальный рынок, основанный на эквивалентном обмене стоимостями, был заменён на систему изъятия и внерыночного распределения, а деньги из инструмента реального обмена трансформировались в прикладной институт управления. В качестве смысла жизни человеку предлагается погоня за виртуальными денежными знаками и максимизация потребления, служащие в конечном итоге механизмом контроля над людьми, ставится задача сделать уровень потребления единственным мерилом успешности и смыслом человеческой жизни, а доступ к нему полностью контролировать через монополию на создание и распределение денежных знаков [17].

Выводы. Современная экономика значительно отличается от экономики становления капитализма; значительную роль в любой из них играет государство, автоматически постулирующее методологический холизм. Либеральная модель экономического развития России, основанная на эксплуатации природно-сырьевого фактора и цен на него на внешнем рынке, не дала предполагаемого эффекта и в срочном порядке нуждается в замене альтернативным вариантом. Либеральная экономическая модель обнажила все изъяны культуры, подчеркнула социально-экономическое неравенство, стёрла индивидуальность, подняла на поверхность неподконтрольные и не учитываемые её основой, современным мейнстримом, экономические факторы. Мейнстрим демонстрирует полнейшую несостоятельность касательно механизмов формирования, развития и удовлетворения потребностей человека, побудительных мотивов его деятельности, когнитивных особенностей и психического развития.

К основным характеристикам современной экономики можно отнести опережающий рост затрат на обработку информации по сравнению с затратами на изготовление блага, рост доли нематериальных благ в структуре потребления, отказ от употребления товара задолго до физического износа, невозможность определить ценность товара по формальным признакам, утрату связи цены товара с его реальной ценностью и отражение в цене индивидуальной ценности, дисфункцию закона Госсена, изменение временного баланса человеческой жизни [20]. Стоит заметить, что вышеназванные характеристики также не подпадают под действие силового поля мейнстрима.

Ключевой особенностью современной экономики является перетекание редкости из сферы производства в сферу потребления.

Современная экономическая реальность позволяет сделать вывод о начавшейся трансформации и фундаментальном пересмотре основ экономической науки и национальной экономики, поиске новой, альтернативной модели развития экономики и общества, основанной на изучении формирования, развития и удовлетворения потребностей.

Ю. Я. Ольсевич обоснованно констатирует, что нестабильность базовых предпосылок мейнстрима подрывает постулат об устойчивости рыночного равновесия и переносит акцент экономической теории со способов эффективного использования редких ресурсов для удовлетворения заданных потребностей на сами эти потребности, к чему ортодоксальная теория явно не готова [18].

Источники

1. Кирдина, С. Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М. : Ин-т экономики РАН, 2013. 54 с.

2. Балацкий Е. В. Мировая экономическая наука на современном этапе: кризис или прорыв? // Науковедение. М. : Инст-т естествозн-я и техники РАН, 2001. № 2. С. 68–72.

3. Ананьин О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий. М. : Институт экономики РАН, 2013. 50 с.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
5. Кун, Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
6. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М. : Наука, 2004. 238 с.
7. Кирдина, С. Г. Модели экономики в теории институциональных матриц // Экономическая наука современной России. № 2 (37). М. : Всерос. инст-т науч. и тех информации РАН, 2007. С. 34–51.
8. Катуков Д. Д. Малыгин В. Е., Смородинская Н. В. Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий : науч. доклад / под ред. Н. В. Смородинской. М. : Инст-т экономики РАН, 2012. 45 с.
9. Бондаренко В. М. Контуры экономики будущего и настоящего: две парадигмы развития // Вестник ИЭ РАН. М., 2011. № 2. С. 15–26.
10. Бессонова О. Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 1999. С. 11–20 .
11. Patlasov O. Yu. Civilization pyramid transformation: from economy of consumption to social, cultural and environmental priorities // International journal of ecology & development. 2017, vol. 32, no. 3, pp. 86–96.
12. Леиашвили П. Экономикс в тисках эмпиризма и догматизма (причины застоя в экономической науке). Тбилиси : Сиахле, 2013. 62 с.
13. Экономическая система современной России: пути и цели развития: монограф. по матер. Междунар. науч. конф. (19 ноября, 2014г.) / под ред. А. А. Пороховского. М. : ЭФ МГУ, 2015 896 с.
13. Московский А. И. Диалог и синтез основных направлений современной теории – необходимые формы развития экономической науки // Содержание, логика и структура современной экономической теории. М. : ТЕИС, 1999. 273 с.
14. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке СПб. : Экономическая школа, 1998. 230 с.
15. Patlasov O. Yu., Zharov Ye. K. Premises and environmental background for the transition to the creative development of economics. // International journal of ecological economics and statistics, 2017, vol. 38, no. 3. Pp. 134–150.
17. Ананьин О. И. Экономическая теория: кризис парадигмы как кризис высшего профессионального образования // Экономика образования. Кострома : Изд-во КГУ, 2009. № 3 (Часть 1). С. 35–50.
18. Ольсевич Ю. Я. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ) / Ю. Я. Ольсевич. М. : Инст-т экономики РАН, 2013. 46 с.
19. Строев С. А. Понять происходящее и обрести способность к действию // Репутациология. М., 2015. № 3-4 (37-38). С. 59–67.
20. Долгин А. Б. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. М. : АСТ, 2010. 256 с

Информация об авторе

Алексеев Николай Евгеньевич
Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления персоналом. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул.4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-0953-1943. E-mail: oeip@mail.ru

N. Y. Alekseyev[1]

[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Reality as a reflection of the economic science dysfunctions

Abstract. The article raises the problem of discrepancy between socio-economic reality and the foundations of economic science development. The purpose of the article is to draw the scientific community's attention to the failure of the economic science mainstream and reflect its dysfunctions. The research is based on the analysis, comparison and comparison of socio-economic reality and the mainstream of economic science. The article analyzes the origins of the economic science foundations in the aspect of scientific schools, General scientific paradigms and methodological approaches to the interpretation of the mainstream category. It is concluded that the crisis of the mainstream forces a

detailed analysis of the fundamental ideas of the economy and the methodology of their interpretation. An obstacle to the further development of economic science and its integration into reality is the research methods themselves, which are a compilation of various theories.

Keywords: socio-economic reality, scientific school, paradigm, research methods, needs.

Paper submitted: May 15, 2020

For citation: Alekseyev N. Y. (2020). Reality as a reflection of the economic science dysfunctions. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 3, pp. 166–173. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.20.

References

1. Kirdina S. G. To rethink the principle of methodological individualism. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2013, 54 p.
2. Balatsky E. V. World economic science at the present stage: crisis or breakthrough? Science studies. 2001. no. 2. Pp. 68-72. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/15948
3. Ananin, O. I. Ontological prerequisites of economic theories, Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2013, 50 p.
4. Veblen T. Theory of the leisure class / T. Veblen. M.: Progress, 1984. 367 p.
5. Kuhn, T. Structure of scientific revolutions. With an introductory article and additions. Moscow: Progress, 1977. 300 p.
6. Kleiner G. B. Evolution of institutional systems, Moscow: Nauka, 2004, 238 p.
7. Kirdina S. G. Models of Economics in the theory of institutional matrices. Economic science of modern Russia. No. 2 (37), 2007. pp. 34-51.
8. Katukov D. D. Malygin V. E., Smorodinskaya N. V. Institutional environment of the globalized economy: development of network interactions / Scientific report edited By N. V. Smorodinskaya, Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2012, 45 p.
9. Bondarenko V. M. Contours of the economy of the future and present: two paradigms of development . Bulletin of the IE RAS, 2011, no. 2.
10. Bessonova O. E. Razdatok: institutional theory of economic development of Russia. Novosibirsk: Ieiopp soran, 1999, Pp. 11-20 .
11. Patlasov O.Yu. Civilization Pyramid Transformation: From Economy of Consumption to Social, Cultural and Environmental Priorities. International Journal of Ecology & Development. 2017, Volume 32, Issue Number 3. Pp. 86-96. http://www.ceser.in/ceserp/index.php/ijed/article/view/4983
12. Leiashvili P. Economics in the grip of empiricism and dogmatism (causes of stagnation in economic science). Tbilisi, Siahle publishing house, 2013. 62 p.
13. the Economic system of modern Russia: ways and goals of development [Electronic resource]: Monograph on the materials of the International scientific conference «the Economic system of modern Russia: ways and goals of development» (November 19, 2014); edited by A. A. Porokhovsky. Moscow: EF MSU, 2015 896 p. Access mode:http://elib.fa.ru/fbook/porohovsky_econ_system.pdf.
14. Moskovsky A. I. Dialog and synthesis of the main directions of modern theory-necessary forms of economic science development. Contents, logic and structure of modern economic theory, Moscow: TEIs, 1999, 273 p.
15. Avtonomov V. S. Model of a person in economic science / V. S. Avtonomov. SPb.: Economic school, 1998. 230 p.
16. Patlasov O. Yu., Zharov Ye. K.. Premises and Environmental Background for the Transition to the Creative Development of Economics. // International Journal of Ecological Economics and Statistics. 2017, Volume: 38, Issue Number: 3. Pp. 134-150. http://www.ceser.in/ceserp/index.php/ijees/issue/view/456
17. Ananin O. I. Economic theory: paradigm crisis as a crisis of higher professional education. Economics of education. 2009. No. 3 (Part 1). P. 35-50.
18. Olsevich Y. Y. Contemporary crisis of «mainstream» in the estimates of its representatives (a preliminary analysis) / ya Ya olsevich. M.: Institute of Economics RAS, 2013. 46 c.
19. Stroev S. A. Understand what is happening and find the ability to act. Reputatiology. 2015. no. 3-4 (37-38). Pp. 59-67.
20. Dolgin A. B. Manifesto of the new economy. The second invisible hand of the market. M.: AST, 2010. 256 p.

Information about the author

Nikolay Y. Alekseyev
Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economy and Personnel Management. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-0953-1943. E-mail: oeip@mail.ru

© Н. Е. Алексеев, 2020